

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПО СЛЕДУ КРОВАВОГО ДОКТОРА

*Александр
Тамочников*

Александр Александрович Тамоников

По следу кровавого доктора

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36626140
По следу кровавого доктора: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-092185-0

Аннотация

1945 год. Польша. Майор контрразведки СМЕРШ Павел Никольский прибыл в только что освобожденный от фашистов концлагерь Аушвальд. Здесь в течение последних лет проводил свои опыты над заключенными доктор Клаус Мендель. Однако захватить палача с личным оперативникам не удалось – накануне Мендель и его помощники тайно бежали из лагеря. Никольский в замешательстве: в каком направлении теперь искать преступников? Ценную ориентировку майору подсказал один из бывших узников, которого кровавый доктор прочил когда-то в свои ассистенты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Тамоников
По следу
кровавого доктора

© Тамоников А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Марш смерти стартовал 24 января 1945 года, в одиннадцать часов утра, от западных ворот четвертого блока. Надрывались овчарки, скрипели лагерные ворота, обитые железом. Сквозь них потекла колонна узников в полосатых робах.

Их было много. Только мужчины. Они шли плотной колонной по три человека, перекрывая почти всю проезжую часть.

Овчарки рвались с поводков, вцеплялись людям в лодыжки. Эсэсовцы в утепленных шинелях посмеивались, перебрасывались острыми шутками. С караульных вышек с пулеметами за проходом колонны наблюдали часовые.

День выдался не самый теплый в эту зиму. Свистел ветер, носил по дороге пыль. Кругом чернели участки голой земли. Снега было немного. Лишь в полях да в низинах он лежал сплошным ковром. Температура чуть ниже нуля. В воздухе стояла промозглая сырость – не самое характерное явление для этих мест.

Колонна насчитывала несколько тысяч заключенных. Не менее получаса она проходила через ворота. Позади, в недрах лагеря смерти Аушвальд, звучали выстрелы, работали бульдозеры и экскаваторы.

Но лагерная администрация не спешила уничтожать людей, способных работать, проявляла рациональный подход

к этому вопросу. Власти предпочитали перемещать их на запад, в Германию. Транспорта не хватало, железнодорожные пути разбомбила советская авиация. Заключенных гнали пешком на запад, десятки и сотни километров, прочь от канонады, приближающейся с востока.

Испытывала неудобства даже охрана, экипированная очень неплохо. Люди брели по дороге, кутались в мешковину и рваные обноски, наброшенные поверх лагерных роб. Отдельным счастливицам удалось натянуть поверх своей униформы еще одну. Эту одежду они снимали с заиндевевших трупов, но толку от нее было мало. Тонкие тряпки насквозь продувались ветром, спастись от холода было невозможно. Расползалась на ходу ветхая обувь.

Дорога вилась между перелесками. За спиной остался так называемый завод смерти. Это многофункциональное учреждение, разбросанное по равнине, находилось в ведении Главного административно-хозяйственного управления СС. Высокие заборы, бетонные надолбы, извивы колючей проволоки. Геометрически правильные ряды бараков устремлялись в бесконечность. Возвышались трубы крематориев, из которых временами вырывался дым, словно курильщик лениво попыхивал трубкой.

На севере, за пределами лагерной зоны, снова трубы. Там находился химзавод, за полтора года построенный заключенными.

По небу плыли низкие тучи. На востоке продолжалась ка-

нонада. Там работала дальнобойная артиллерия.

Люди надсадно кашляли, дышали в рукава. Кто-то зашелся в приступе кровавой рвоты. Заключенные шли с трудом. Порывы ветра сбивали их с ног. Они жались друг к другу, так было теплее. Менялись серые небритые лица с запавшими глазами.

Лагерь Аушвальд скрылся за покатым холмом. Колонна шла по грунтовой дороге, которая втягивалась в заснеженный осиновый лес.

Кутались в шинели солдаты с рунами на касках. Охрану и конвоирование узников концлагерей власти доверяли только частям СС.

Охраны было много. Конвоиры шли по обочинам, держа наготове автоматические штурмовые винтовки образца сорок четвертого года – последнее достижение германской оружейной промышленности, лишь недавно поступившее в войска. Эти автоматы отличались от традиционных МП-40. У них имелся деревянный приклад, были улучшены тактико-технические характеристики.

Колонна тянулась по разреженному лесу. Охранники были прикладами заключенных, отстающих от нее.

Из строя вывалился мужчина в облезлом треухе, смертельно бледный, с трагической миной на сморщенном лице. Он упал на четвереньки, страшно кашлял, выстреливая сгустки крови. Товарищ из колонны схватил его за шиворот, попытался втащить обратно, но тот уже не мог идти. Его

тошнило.

Раздался гортанный окрик. Он, как плетка, ударил по ушам арестантов. Они затащили доброхота обратно в колонну. Он оглядывался, звал товарища по имени.

Люди в полосатых робах брели мимо, безразлично косились на несчастного. Помочь – лишь отсрочить неизбежное.

Вразвалку подошел упитанный конвоир, пнул заключенного по ноге и проорал:

– Встать, свинья!

Реакции не последовало.

Пролаяла очередь. Заключенный упал лицом в снег, кровь потекла из его рта, ее тут же занесла поземка.

– Не слушаются, Курт? Совсем обленились? – осведомился товарищ этого конвоира.

– Да, сплошь симулянты, – ответил тот, забрасывая на плечо штурмовую винтовку. – И для чего мы их так плотно кормим?

– Сволочи! – прохрипел по-польски поджарый молодой мужчина с пучком волос на макушке.

Он обнимал себя за плечи, дышал за пазуху, согревался собственным теплом.

– Отмучился Матеуш. Он словно знал это, бедняга, слезу давил, жаловался, что далеко не уйдет. Иван, не пора? – спросил мужчина, понизив голос, и глянул на соседа.

– Терпим, Манфред, рано еще, – сипло отозвался этот самый Иван.

Он выглядел сравнительно бодро, сутулый, но еще не изнуренный, с серыми глазами, весь покрытый свинцовой щетиной. Арестант исподлобья смотрел по сторонам, берег дыхание. По-польски он изъяснялся терпимо, но этот язык явно не был для него родным.

Этот человек закусил губу, пристально смотрел, как меняется антураж за пределами дороги. Лес обрывался, справа тянулись дебри кустарника. За ними, в седловине между холмами, виднелись крыши польской деревушки. Кустарник сменялся сплошным земляным валом. Слева начинался обрывистый склон. На нем ершились озябшие кусты, глинистая почва была изрыта. Внизу разреженная голая растительность, всего лишь узкая полоса, за ней поле протяженностью триста метров, за ним лес.

– Эй, вы что-то задумали? – спросил молодой парень, бредущий впереди, вздрогнул и втянул голову в плечи. – Градов, Манфред, вы о чем толкуете?

– Не хочешь, не беги, Кароль, – процедил Манфред, на всякий случай посмотрев по сторонам. – Как начнется, падай и лежи. Немцы тебя не тронут, пригонят на другой завод, будешь пахать там, пока не загнишься. А мы уже не можем, надоело, приятель.

– Люди, вы с ума сошли! – простонал Кароль. – Отсюда не сбежать. Нас же всех убьют! Посмотрите, сколько их тут, да еще собаки, а сил осталось только помолиться. Куда бежать? Все равно поймают и пристрелят.

– Кароль, не ной, – отрезал мужчина по фамилии Градов. – Можешь оставаться, трудись во славу рейха. Недолго осталось. Когда наши с востока подойдут, немцы все равно вас всех расстреляют. Уж лучше в драке умереть, чем соплями заливать холодную стенку.

– Хочешь сдать нас, Кароль? – спросил Манфред и хмуро посмотрел ему в затылок. – Давай, беги к господам охранникам, докладывай, что побег замышляется, вымолишь себе дополнительную пайку, получишь свои тридцать медяков.

– Почему медяков? – осведомился Градов.

– Так ведь ты не Бог. За тебя серебра не дадут.

Градов рассмеялся. Этот смех звучал очень странно, напоминал предсмертный кашель.

Люди, бредущие рядом, молчали. Возможно, они не слышали их беседу. Или же им было все равно.

– Я тебе в рожу дам, Манфред! – глухо прорычал парень. – Если будешь думать, что я такая сволочь. Я с вами, люди. Сил моих больше нет. Будь что будет!

Градов посмотрел назад. На пятки ему наступали еще трое. Вся компания – заговорщики, всем нечего терять. Заключенные молчали, с какой-то щемящей тоской смотрели на Градова.

Двое из них были венграми, освоившими за полтора года польский язык – Сандор и Корнель. Первому около тридцати, второму за сорок. Оба из Будапешта. Они попали под раздачу в сорок третьем, когда марионеточные власти устра-

ивали облавы на антифашистов. Эти двое оказались не в том месте и не в то время. Венгры выжили в концлагере, потому что волю имели и держались друг за друга.

Третий смотрел на Градова большими глазами, тоже исхудавший, весь в нарывах, незаживающих язвах, с угловатым несимметричным черепом и ввалившимся носом. Хороший парень, но почему-то англичанин. Дуглас Лоу, верный подданный короля Георга. Какой только экзотики не встречалось в фашистских концлагерях!

– Иван, мы готовы. Ты только знак подай, мы сразу начнем, – прохрипел он на какой-то жуткой смеси польского и русского.

– Хорошо, – сказал Градов. – Ждем подходящего момента. Обрыв еще долго протянется. По сигналу все катятся вниз, бегут через поле. Надо бы захватить оружие.

– Мы сделаем, Иван, не подведем, – выдавил из горла венгр Корнель. – Я хоть одного прикончу, умру свободным человеком.

Молодой Сандор отказался от комментария. Его зубы выбивали чечетку, он шептал молитву, пристально уставился под ноги.

Колонна брела по дороге. Покрикивали охранники. Где-то в тылу разразилась звонкая автоматная трель. Гул пробежал по толпе, словно ветер потрянул человеческую массу.

«Это не было попыткой к бегству. Автоматчики пристрелили очередного доходягу. Какое ни есть, а развлечение.

Неважно, куда нас гонят, – мрачно думал Градов. – Половина все равно не дойдет. Конвой все обочины вымостит трупами».

– Иван, а в самом деле, куда бежать? – Манфред Стаховски, бывший поручик польской армии, облизнул губы, изрытые трещинами. – Ну, скатимся вниз, так нас всех там и прибьют. У них вон автоматы новые, далеко стреляют. Нет, ты не подумай, что я отказываюсь, просто интересно. Может, стоит подождать другого случая?

– Не будет у нас другого случая, дружище. Далее равнина, там точно не спрячешься, потом деревня Шестово, в ней немецкий гарнизон, дальше опять поля. Только здесь, Манфред. У всех не выйдет, но кому-то повезет. А нет, так умрем с музыкой, весело, с хорошим настроением. До леса добежим, а там посмотрим, как жить дальше. В землю зароемся, померзнем еще чуток.

– Вы, русские, безумный народ, – пробурчал ему в спину Лоу.

Непонятно было, то ли одобрял, то ли недовольство высказывал.

– Всегда хотите использовать свой шанс, даже если он один из ста. Я с вами, Иван, не сомневайся. Повелся с тобой, теперь и сам наполовину русский. Но знай, многие из наших не одобрили бы твой план. Красная армия уже рядом. Скоро она сможет отбить нас. Да, мало шансов, что нас перед этим не расстреляют, но, извини, друг, все же побольше, чем

сейчас. Добежать до того подозрительного леса мы вряд ли сможем.

– Так оставайся, Дуглас. Надежда никогда не умрет.

– Нет, Иван, я с тобой пойду. Унизительно это, не для меня. Хорошо, что эти мерзавцы хоть покормили нас перед дорогой.

Это высказывание вызвало усмешку даже у самого Лоу. Кормили в лагере, мягко говоря, не на убой. В последний завтрак три часа назад выдали по миске страшноватой серо-бурой бурды, которую в Белоруссии с натяжкой назвали бы бульбой, и на шестерых – прочный как камень брусок, спрессованный из злаков, так называемый хлеб. Зубов у заключенных осталось немного, жевать им было нечем. Поедание данного продукта выливалось в занимательную для охраны процедуру.

– Кто-нибудь знает, куда нас гонят? – спросил Сандор, закончивший молитву.

– За тридевять земель, – с усмешкой проговорил Градов. – В тридесятое царство, которое называется фатерланд. Фрицы наивно считают, что туда советские войска не придут. Они остановят их на подступах, наберутся высокого духа, получат резервы, оружие возмездия и погонят русские орды обратно. Пусть выкусят! Войну они проиграли. Так, мужики, будьте готовы! Ждем, когда фрицы отвлекутся.

За их спинами сигналили машины, конвоиры орали, прижимали толпу к левой обочине. Человеческая масса хлынула

туда, многие падали. По дороге на запад пронесся затянутый брезентом командирский «Хорх». Из окон торчали хмурые физиономии в офицерских фуражках. За «Хорхом» катил трехтонный «Мерседес» с закрытым кузовом. Вез он явно не пехоту.

Градов напрягся. Он увидел, что охрана отвлеклась на незначительный инцидент. Клык стального стопора грузовика вцепился в рваную робу зазевавшегося узника и потащил бедолагу за собой. Тот махал руками, потерял равновесие, пронзительно визжал. А потом он угодил под колеса тяжелой махины! Грузовик проехал по телу, подпрыгнул. Но водитель, видимо, разглядел в зеркало, что произошло, и не стал останавливаться.

Маленькая колонна ушла вперед. Раздавленное тело осталось на дороге и какое-то время подрагивало. Охранники потешались, обменивались шуточками. Конвоиры на другой стороне колонны подпрыгивали, тянули шеи. Им тоже хотелось веселья!

Градов мимолетно переглянулся с сообщниками. Мол, за дело, товарищи смертники!

Конвоир, здоровый дылда с потными волосами, торчащими из-под шлема, был совсем рядом. Штурмовая винтовка болталась на его плече. Охранники с двух сторон колонны выдерживали между собой дистанцию в пятнадцать-двадцать метров.

Градов выдохнул. Ну, развернись, плечо! Он выпрыгнул

из строя, бросился на охранника, врезал ему кулаком в бок. Иван давно мысленно репетировал этот удар, вкладывал в него всю душу!

Немец охнул, выпучил глаза. Дослужился до ефрейтора, ну и хватит! У эсэсовца перехватило дыхание, и Градов без труда сорвал автомат с его плеча. Конвоир резко повернулся, хватанул воздух как рыба, брошенная на берег. Взлетел приклад, разбил его челюсть. Ударила короткая очередь, и эсэсовец повалился. Его лицо сразу как-то поглупело.

Ближайший солдат повернулся не очень быстро. Выстрелы на марше – дело обыденное. Грохнула вторая очередь, и этот упал, потешно взмахнув ногами.

Разворот на сто восемьдесят. Как же вовремя, черт возьми! Конвоир с перекошенной рожой передергивал затвор, который заело накрепко. Он оставил эти попытки, заорал и помчался на Градова. Не добежал, зарылся в мерзлый грунт. Грудь его была продырявлена пулями.

Толпа заревела. Качнулся строй, и без того помятый. Люди вываливались из колонны, ошалело вертели головами.

Градов нагнулся, выхватил у мертвого охранника запасной магазин.

– Народ, все за мной! Манфред, автомат забери! – выкрикнул он и прыжками кинулся за обочину.

Ветер свистел в его ушах. Он ощущал какую-то неслыханную легкость. Иван много лет не чувствовал ничего подобного! Склон был крут, но он летел вниз как на крыльях, де-

лал какие-то невозможные для себя прыжки и молил Господа, в которого не верил: «Только бы не упасть! Только бы не упасть!»

Но Градов упал и покатился по склону. Он срывался с глиняных глыб, больно бился о них, но это было уже неважно. Автомат Иван не потерял и подмечал краем глаза, что не один он такой прыткий. Люди катились за ним, кричали от страха.

Охрана наконец-то открыла беспорядочную пальбу. Солдаты спустили с поводков овчарок. Те неслись рычащими кометами, вцеплялись людям в ноги, валили их, вгрызались в глотки. Самые смелые узники разбегались и прыгали в обрыв.

Взбешенная охрана сначала стреляла над головами, потом открыла огонь по людям, валила их гроздьями. Кто-то бросался на врагов, отбирал у них оружие, тоже пытался бежать или погибал.

В колонне образовалась приличная дырка. В других местах конвою удалось справиться. Заключение лежали на дороге вповалку, закрыв головы руками. А в середине строя происходило что-то суматошное. Пока охранники опомнились, подтянулось подкрепление, еще человек сорок слетели вниз.

Конвой отсек поток арестантов, желающих пуститься в бег. Груда тел валялась на обочине. Взбешенные эсэсовцы выбегали на обрыв, швыряли вниз гранаты, валили беглецов из

автоматов.

Иван Градов докатился до подножия крутого склона, пополз в канаву, давясь землей. В бега по его примеру пустились не меньше семидесяти человек! Поляки, венгры, югославы, несколько русских и украинцев. Люди с воплями неслись вниз. Одни прыгали, другие катились.

Охранники палили по ним не целясь. Заключенные падали, обливались кровью, но кому-то удавалось достичь подножия склона.

Градов открыл огонь по автоматчикам. Его слепил холодный пот, судорога сводила пальцы, но он попадал! Унтер-офицер рухнул и сполз по склону головой вниз. Еще один эсэсовец схватился за живот, отпрянул в слепую зону.

Конвоиры получили команду и тоже побежали вниз. Вырывались вперед свирепые овчарки.

Градов выбил пустой магазин, вставил свежий. Пальцы не слушались его, отказывались оттягивать затвор. Хоть зубами рви! Но он справился.

Мимо него уже неслись люди, пробивались через кустарник, выскакивали на поле. У многих надежда в глазах. А вдруг?.. Пробежали, пригнувшись, англичанин Лоу, венгр Корнель, кто-то еще.

Справа Манфред открыл огонь из канавы, свалил двух охранников, подбил собаку. Ты молодец, пан поручик! Все же учили чему-то в польской армии.

Беглецы обтекали Градова, уносились в поле. Многие па-

дали, срезанные пулями. Сандор зря молился. Он уже катился вниз, тряся конечностями. Из раскроенного черепа выплескивалась кровь. Промчался, закусив губу, молодой парнишка Кароль из предместий Кракова, постаревший в лагере лет на тридцать. Но далеко не убежал, охнул, рухнул ничком. Кровь текла из дыр в полосатой робе.

– Манфред, уходим! – Иван не кричал, а выкашливал.

Он меткой пулей сбил с ног эсэсовца, вырвавшегося вперед, пригнулся и побежал по полю. Градов прыгал с кочки на кочку, вилял, увертывался от пуль и дико поражался наличию сил в организме.

Иван не выдержал и обернулся. Весь склон был усеян телами, кто-то еще стонал, пытался уйти. Охранники спускались вниз, стараясь не упасть, как лыжники по склону. Один не удержался, кувыркнулся через голову. Над ним почему-то никто не смеялся. Собака вырвалась вперед, неслась галопом, разевая бездонную пасть.

У Ивана сорвалось дыхание, но он не сдавался, работал ногами. Слева, справа бежали такие же люди, хватались за грудь, давились кашлем. Пятился Манфред с автоматом, огрызался короткими очередями. Он извел все патроны, выбросил к чертовой матери никчемную железку и помчался к лесу, зачем-то закрывая голову руками.

«Да, не ошибся я в этом малом, наш человек», – подумал бы Иван, если бы имел на это время.

Половину поля одолели не больше тридцати человек. Они

бежали кто как, каждый за себя. Пули выбивали то одного, то другого. Несколько человек сами прекратили гонку. У них кончились силы. Они лежали, таращились в небо и ждали конца. Эсэсовцы тоже бежали по полю, увязали в бороздах, заваленных снегом, стреляли на бегу. Лес приближался издевательски медленно.

Как же вовремя Градов обернулся! Уже готовилось к прыжку лохматое чудовище немецкой породы, собиралось впиться в глотку. Бешенство сочилось из воспаленных глаз. Иван что-то орал, давил на спусковой крючок скрюченным пальцем. Собака уткнулась носом в землю, кружилась веретеном, разбрызгивая кровь. Схожая участь постигла автоматчика, бегущего следом за псом. Он словно не поверил, что убит, замер, изумленный, и рухнул навзничь всем своим откормленным телом.

До леса добрались десятка два, самые удачливые. Беглецов тошнило кровью. Они стонали, забегали за деревья и падали.

– Вперед! – прохрипел Градов. – Вы же мужчины! Не останавливаться! Лес небольшой, бегите дальше. Они его могут объехать, если мы потеряем время. У эсэсовцев есть рации, погоня спать не будет!

Люди вставали, валко бежали дальше, увязая в снегу. Чех Карел Грачек, бывший подпольщик из пражского Сопротивления, обнял молодую осину и сползал по стволу, испуская страстные стоны. Силы у парня кончились. Люди уходили в

лес, катились в покатый овраг, ползли, поднимались.

Градов забежал за ближайшее дерево, прижался к стволу. Холодный пот хлестал с него градом.

Позади все было плохо. Склон и поле усеяли тела в полосатых робах. Полсотни человек не добежали до леса.

Эсэсовцы растягивались в цепь. Их было немного. Подкрепление опаздывало, а им еще нужно было контролировать людскую массу, бурлящую на дороге. У них что-то шло не так, они переходили с бега на шаг, растягивались во фланги. Создавалось впечатление, что им не очень хочется входить в лес. И собаки у конвоиров вдруг кончились.

Тут вдруг пули сбили кору с дерева. Градов отпрянул, опустился на колени, стрелял, сдерживая сиплое дыхание. Мазила хренов! Но цепочка автоматчиков залегла, солдаты стали перебегать. Он стрелял по ним, пока не кончились патроны, потом отбросил ненужный автомат, стал пятиться на четвереньках, покатился в ложину, собирая снег с прошлогодней листвой.

Иван готовился к побегу, копил силы, последнюю неделю вел себя смирно, исправно ел червивую бурду, которую скармливали заключенным. Он очень надеялся, что это придаст ему хоть немного сил.

Градов грузно бежал, хватаясь за деревья. Под ребрами нестерпимо жгло, острая боль растекалась по телу. Он догонял своих. Люди упорно рвались через редкий лес. Кто-то не выдерживал, махал на все рукой, падал и уже не вставал,

чтобы провести в покое хоть последние минуты жизни.

Мужчина средних лет – лицо незнакомое, видимо, из недавней словацкой партии – споткнулся, со стоном вытянул ноги. Он обреченно смотрел на Градова, подбежавшего к нему, и не делал никаких движений.

– Вставай! Чего разлегся? – выдавил Градов, схватил мужчину за грудки, стал тянуть на себя.

Он не Геракл, чтобы такое поднимать! Тот человек был вял, аморфен. С таким же успехом Иван мог бы тащить мешок картошки!

– Вставай, бегом! – проорал он в мертвеющее лицо.

– Уходи, товарищ. Все, хватит. Я больше не могу, – пролепетал узник. – Дай умереть спокойно.

Каждый сам решал свою судьбу. Время поджимало, няньки кончились. Если у тебя слабовато с силой духа, то никто этого не поправит.

Он оставил человека в покое. Тот все уже решил, сам расписал свое будущее. Иван бежал не оглядываясь, стараясь не растрачиваться, не выплескивать остатки сил. Он обгонял плетущихся узников, подбадривал их. Такой вот живой пример шел людям на пользу, они оживлялись, шире ставили ноги.

Эсэсовцы уже вбежали в лес, стреляли наобум. Пули сбивали голые ветки с деревьев, рикошетили от стволов. За спиной Градова кто-то вскрикнул. Немцы подстрелили еще одного беглеца.

Главное, не оглядываться, ему уже не поможешь. Дышал, как загнанная лошадь, венгр Корнель, витиевато ругался на родном языке. Впереди опушка. Люди выбегали на нее.

Манфред схватил под локоть задыхающегося Дугласа Лоу, придал ему ускорение. Англичанин справлялся. Не таким уж и неженкой оказался этот выходец из Туманного Альбиона. Молодцы, мужики, верной дорогой идем.

Пятнадцать человек высыпали из рощи. Впереди поляна, опушка соседнего леса, заваленная буреломом, проселочная дорога.

На проезжей части беглецов уже ждали! Этим и объяснялась медлительность погони! Небольшой грузовой «Опель» прибыл сюда несколько секунд назад. Двигатель работал, из выхлопной трубы выстреливал сизый дым.

Немецких солдат было немного, четыре человека, не считая поджарого унтершарфюрера. Они высаживались из машины, путаясь в полах шинелей, нервно перекликались. Унтершарфюрер орал, как матерый гусак. Клацали затворы, солдаты бежали к обочине.

Дьявол! От обиды в горле у Ивана перехватило. Двадцать метров до солдат, которые уже приготовились стрелять на поражение!

А дальше случилось что-то невообразимое. Отчаяние и страх обернулись в бешенство. Пятнадцать человек с ревом бросились вперед, им не требовалась даже команда! Силы, упругость в ногах взялись из ниоткуда.

Солдаты пятились, беспорядочно стреляли. Без толку орал унтершарфюрер.

Градов что-то кричал, не чувствовал лица, сведенного судорогой. Он бежал, махая кулаками, замечал боковым зрением, как падают подстреленные люди. Но никто не останавливался. Все стремились добежать до врага и зубами рвать его горло!

Бог хранил бывшего майора медицинской службы. Пули свистели мимо. Встало перед глазами бледное от страха лицо унтершарфюрера с бусинкой пота на переносице. Тот истратил все патроны из «люгера», зачем-то рвал затвор, словно надеялся, что там по шучьему велению образуется свежая обойма.

Иван с ревом протаранил эсэсовца, схватил за горло. Добежали, пусть и не все. Даешь рукопашную! Оборвалась стрельба. Драка была короткой, безумной.

Градов схватил за горло унтершарфюрера, тряс его, как грушу, сдавливал шею. Тот задыхался, багровел, колотил руками, но майор не чувствовал боли. Он должен был убить эту гадину! Туловище эсэсовца обмякло, закатились глаза, объятые страхом. Вывалился синий язык.

Иван отшвырнул его от себя, в изнеможении рухнул на колени, схватил автомат. Пелена стояла перед глазами, жирный пот хлестал с лица. Вот и согрелись!

Драка еще не закончилась. Молодчина Манфред чуть не зубами перегрызал горло пухлого эсэсовца, который визжал,

как поросенок, тряс скрюченными пальцами. Вся обочина была завалена трупами в полосатых робах. Человек семь не добежали до дороги. Остальные бились смертным боем, изрыгая кровь и слюну.

Прогремела очередь. Дуглас Лоу подобрал автомат и расстрелял солдата с подвернутой ногой, который пытался убежать. На мертвом немце со свернутой шеей лежал Корнель и дрожал в агонии. Из его живота выплескивалась кровь. Фашист, с которым он схватился, все же дотянулся до ножа. Извивался на проезжей части умирающий эсэсовец. Двое бывших заключенных увлеченно месили его ногами. Кожа да кости, откуда силы? Но месть не знает усталости. Рванный ботинок сплющил вытянутую шею, переломил позвонки, и вытаращенные глаза чуть не выстрелили из глазниц.

В живых осталось пятеро: Градов, Манфред, Лоу и еще двое, имен которых Иван не знал. Люди исходили хрипами, кого-то рвало.

В лесу, который они покинули, раздавалась беспорядочная стрельба. Эсэсовцы рвались на опушку. Они догадывались, что у их товарищей на дороге что-то не сложилось.

– Мужики, хватайте оружие, все в машину! – каркнул Градов.

Заключенные подбирали автоматы, карабкались в грузовик. Худого парня с выпирающими скулами пришлось заталкивать совместными усилиями. Манфред побежал за руль, успев прокричать, что до армии он работал водителем.

Градов вцепился в дверную ручку со стороны пассажирского сиденья. Ноги подкосились. Он их не чувствовал. Голова носилась по кругу, словно Иван крутился на карусели в парке культуры и отдыха. Он вскарабкался в кабину как на неприступную горную вершину, со страхом понимая, что тоже начинает слабеть.

Манфред рвал рычаг, таращился в лобовое стекло воспаленными глазами. Неважно, куда ехать! Куда развернута машина, туда и гнать! Грузовик дрожал, трясся, Манфред что-то ворчал по-польски, насилуя баранку.

Муть стояла перед глазами Градова. Он откинул голову. Его сознание поволоклось в какие-то дали. Не спать, майор! Пожить еще надо!

Эсэсовцы в длинных шинелях выбегали на дорогу, стреляли вдогонку. Товарищи из кузова отвечали им. Пуля разнесла зеркало заднего вида. Прежде чем это произошло, Градов увидел, как повалился на дорогу подстреленный фашист.

– Иван, мы ушли! – восторженно прохрипел Манфред. – Матка боска, пся крев, мы ушли! Как мы им вставили, а, Иван!

– Не говори гоп, приятель, – проворчал Градов. – Пока мы никуда не ушли. Нам еще работать и работать.

А память уже куда-то катилась, восстанавливала все, что он знал об окружающей местности, слышал от других, сам наблюдал, когда вывозили на работы. На севере от концлагеря находились сравнительно крупный поселок Рыдники,

несколько деревень, поля. А вот леса как раз незначительные. Нет того раздолья под названием «тайга», которое он исходил в своей родной Томской области.

Да и черт с ним. Немцы не будут ради кучки узников поднимать всю армию. У них в свете последних событий совсем другие проблемы!

Дорога петляла между перелесками, погружалась в низины, втягивалась в безлесные продуваемые холмы. В спину эсэсовцы уже не стреляли, хотя какое-то время бежали за машиной. Они обязательно появятся на автотранспорте, впереди или сзади.

Градов пришел в себя, вертел головой. Кабина тряслась, за спиной взлетал кузов, едва не отваливались борта. Пробегали холмы, за ними просматривалось поле, напротив – черная стена леса.

– Пся крев, да будь оно все неладно! – в сердцах воскликнул Манфред после очередного прыжка на ухабе. – Что поделаешь, Иван. Дороги в этой местности не очень ровные.

– И колеса у нас, похоже, не очень круглые, – проворчал Градов.

Машина вырвалась из холмов. Впереди простиралось поле с полкилометра шириной. Оно отделяло беглецов от спасительного леса. Дорога, как назло, убегала вправо, огибала открытую местность, уносилась в сумрачные дали.

Снова грохнули выстрелы за спиной! Там появилась машина, набитая солдатней.

– Манфред, сворачивай с дороги, давай через поле! – прокричал Градов.

Беглецы, находившиеся в кузове, открыли огонь.

Манфред выдал забористую тираду, вывернул баранку. Грузовик грузно плюхнулся в кювет, переполз канаву. Борозды на поле имели терпимую глубину. Машина пока шла, но двигатель рычал так натужно, что мог издохнуть в любой момент. Триста метров до леса!

Погоня тоже съехала в кювет. Хваленый «Мерседес» грузоподъемностью полторы тонны тут же застрял. Солдаты посыпались с него, как горох, бежали, растягиваясь цепью.

До опушки оставалось сто метров, когда машина нырнула в глубокую яму. Манфред перевел рычаг, но уже все было понятно. Задние колеса оторвались от земли и прокручивались вхолостую.

Беглецы с руганью покидали машину. Сполз с борта Дуглас Лоу, ухитрившийся не потерять автомат. За ним на земле оказался скуластый парнишка. Третий остался в кузове и вряд ли что-то чувствовал. Его височную кость проломила пуля.

Градов тормозил народ. Мол, быстрее, мужики! Чего вы плететесь как сонные мухи?!

Люди, пригибаясь, бежали по полю. Вокруг свистели пули, эсэсовцы упорно шли по пятам. Скуластый парнишка вскрикнул и повалился на землю. Градов взглянул на него и все понял. Тот уже не шевелился, по спине расплывалось

багровое пятно.

Отчаяние снова рвало душу Ивана. Как же так?!

Они бежали, сгибаясь в три погибели. Никто не оборачивался.

Манфред пришел к финишу первым. Он вонзился в кусты кустарник, произрастающий на опушке, и упал ничком. При этом он закричал с таким надрывом, что военному врачу Градову опять же все стало ясно.

Лоу параллельным курсом вбежал в лес, скорчился за деревом, открыл огонь и вынудил погоню временно залечь.

Градов подполз к поляку, чувствуя горечь в горле, вытянул его за шиворот из гущи веток, перевернул. Манфред задыхался, кровь сочилась с губ. Два пулевых ранения, одно под лопаткой, другое у поясницы. Он еще дышал, схватил майора за руку, начал что-то говорить. Но его слова быстро затухали вместе с жизнью. Бедняга забился в корчах, раскинул руки.

Иван поймал в прицел перебегающего немца, дал короткую очередь. Взлетели полы шинели, ее обладатель зарылся головой в снег.

Находиться под пулями элита германских вооруженных сил почему-то не очень любила. Солдаты больше не поднимались, стреляли лежа.

Градов извел все патроны, оставил автомат и, не отрывая головы от земли, подполз к последнему выжившему товарищу. Тот тщательно целился, бил одиночными и что-то бур-

чал после каждого выстрела.

Иван схватил его за шиворот, оттащил от позиции. Он сделал это очень своевременно. Целая куча пуль перепахала то самое место, где только что лежал англичанин.

– Бежим, приятель! – пробормотал Градов. – Валим отсюда на хрен.

– На хрен – это куда? – спросил Лоу, швырнул в сторону разряженный автомат и припустил за ним.

Уже без разницы, куда именно.

Они протаранили колючий подлесок и тут же утонули в яме, откуда едва выбрались. Русский и англичанин сперва ползли, потом скатились в какую-то ложбину.

На опушке перекликались солдаты. Офицер посылал часть подчиненных налево, других – направо.

«Ведь по следам найдут», – мелькнула неутешительная мысль в голове Ивана.

Но снег, по счастью, был не везде, только в низинах и ямах, куда не проникал ветер.

Беглецы выбрались из ложбины на возвышенность. Дул пронзительный ветер, тряс куцые ветки. Они бежали, тяжело дыша. Хрустел валежник, вздрагивали поваленные деревья.

– Иван, все, не могу, – прохрипел Лоу схватился за живот, привалился к дереву. – Не понимаю, как ты можешь до сих пор бежать.

– Второе дыхание открылось, – объяснил майор. – Пошли, приятель. Оно и у тебя появится.

– И каким из них мне пользоваться? – пошутил англичанин. – Нет, Иван, не могу больше.

– Неужели? – прорычал Градов, делая страшное лицо. – Мы почти ушли. Осталось немного. Именно теперь ты собрался сдать? У вас в Англии все такие?

– Что ты, Иван, не все, конечно. Иначе мы не стали бы великой нацией.

Градов схватил его за рукав, поволок дальше.

«Нужно уйти на возвышенность. Только там у нас будет шанс, – решил он. – Как мы выживем в лесу, даже если уйдем! Одежды мало, да и та, мать ее, полосатая!»

Иван машинально подметил на ходу, что в лесу стали появляться хвойные деревья. В этом были плюсы. Лапник способен греть.

Они остановились, наострили уши. Позади было тихо, погоня отстала.

– Послушай, дружище, у меня есть спички, – пробормотал Лоу. – Когда на дороге нацистов били, у одного подсумок раскрылся, я коробок подобрал.

– Превосходная новость, Дуглас, – оценил известие Градов. – Можем развести костер и не умереть от холода. Береги их, не потеряй. Но сначала давай уберемся подальше отсюда.

Иван вновь прокладывал дорогу через кустарник. Англичанин хрипел ему в затылок, наступал на пятки.

Странная мысль поселилась в голове майора медицинской службы:

«Неужели ушли? И что делать дальше?»

Глава 2

Войска 1-го Украинского фронта развивали наступление от Кракова и к утру 27 января заняли укрепрайон на границе с Нижней Силезией, оставленный немцами. Здесь преобладало польское население – семьи рабочих химзавода, металлургических предприятий, сосредоточенных в крупных населенных пунктах. В районе было много крестьянских хозяйств, из которых оккупационные власти выкачивали продовольствие.

Немцы здесь тоже жили, в основном не самые бедные. Но к концу января почти все они поддались пропаганде и эвакуировались на запад, в рейх. Люди бросали дома и скот, бежали от диких большевистских орд, решивших погубить европейскую цивилизацию.

Наступающие части Красной армии встречали пустые деревни и поселки. Выбирались из подвалов запуганные поляки, со страхом смотрели на танковые колонны, изрыгающие смятение.

Местечко Аухен, где находились химзавод «Бремер» и концлагерь Аушвальд, немцы оставили без боя. Они боялись попасть в окружение. На юге и севере гвардейские штурмовые батальоны прорвали фронт и глубоко вклинились в расположение противника.

К рассвету 27 января местечко покинули все немецкие ча-

сти. В последние сутки эсэсовцы усердно вывозили и сжигали документацию. Из труб крематориев валил густой дым. Но они избавились не от всех улик своей преступной деятельности.

Лагерь смерти Аушвальд встретил армию-освободительницу распахнутыми восточными воротами. Вихрилась поземка, пронзительный ветер тряс незакрепленные строительные конструкции, носил мусор. Кругом минные поля, несколько рядов колючей проволоки, вышки, оснащенные прожекторами.

В одиннадцать утра батальон майора Пляскина вошел на территорию концлагеря. Саперы провели разминирование, обозначили места, безопасные для прохода.

Бойцов встретили ряды бараков, кирпичные и бетонные сооружения непонятного назначения. В северной части обширного заведения, растянутого на несколько кварталов, возвышались трубы крематориев. Там же разместились газовые камеры – мрачноватые каменно-бетонные ротонды, к которым со всех блоков вели автомобильные и пешеходные дорожки. Ряд строений, оснащенных воротами, соединяла узкоколейная железная дорога.

Часть зданий была разрушена, некоторые сгорели. Но все же большая часть строений осталась целой.

Штурмовые подразделения растекались по территории, продвигались с востока на запад. Пахло гарью, чем-то припрочно-сладким. Солдаты испытывали необъяснимый страх,

ежились, неуверенно посматривали друг на друга. Притихли крикливые младшие командиры.

У пересечения железнодорожных путей, недалеко от забора, отделяющего крематорий от мрачной ротонды, лежала груда костей, припорошенных снегом. Скалились черепа.

Бойцы из отделения разведчиков пятились. Волосы шевелились под ушанками. Безотчетный страх становился все сильнее. Что-то липкое забиралось в души. Храбрые гвардейцы, не боящиеся ни бога, ни черта, давали слабину, обходили жутковатое место.

Из-за ограды донесся крик. Несколько человек передернули затворы, устремились туда и тоже встали, не в силах оторвать глаз.

За забором пролегал глубокий извилистый овраг. Он почти до краев был завален обнаженными мертвыми телами. Худые изможденные люди лежали вповалку, чуть присыпанные песком. Жутковатая братская могила – мужчины, женщины, дети. Черепа, обтянутые кожей, выпученные глаза, лица, сведенные судорогой.

Их смерть была мучительной, наступила не сразу. Видимо, крематории уже не справлялись с наплывом тел, прошедших через газовые камеры. Под занавес людей перестали сжигать, просто сваливали в ямы.

Солдаты пятились, спешили вернуться к баракам. Кто-то украдкой крестился, стыдливо глядя на товарищей.

Но в так называемой жилой зоне бойцов тоже не поджидает

ло ничего приятного. Между серыми двухэтажными бараками валялись горы полосатого тряпья. Одежду, снятую с узников, не успели сжечь. Грудились взорванные грузовики, к которым были прицеплены цистерны. Ветер еще не успел унести прочь запах газа. Валялись скрученные шланги, металлизированные рукава.

Бойцы по несколько человек забежали в складские строения и осматривали их. Немцы были рачительными хозяевами, ничего не выбрасывали. Один барак был завален тюками гражданской одежды – костюмы, пальто, куртки, женские и детские платья, огромные связки чулок. Вывезти все это немцы не успели, не рассчитывали, что все произойдет так быстро.

Другой барак был сверху донизу забит обувью, третий – охапками очков, зубными щетками, кисточками для бритья. Четвертый – огромными рулонами человеческих волос. Следующий полностью выгорел. Пожарище окутывал смрадный дух.

Автоматчики пульей выскочили из полуразвалившегося кирпичного строения. Там валялись расстрелянные тела.

В женской зоне еще хуже. Несколько бараков подряд, и везде одна картина. Груды обнаженных женских тел. Их не сжигали, не расстреливали, просто заставили раздеться, отключили обогрев и выбили стекла в окнах. Женщины умерли от переохлаждения.

– Братцы, да что же это? – пробормотал потрясенный ав-

томатчик.

Этот парень повидал всякое, но с таким еще не сталкивался.

– Что же вытворяли тут эти нелюди?

От увиденного кровь стыла в жилах. Предупреждать же надо! Но командиры и сами не знали, что предстоит увидеть им и их солдатам.

Людей в это учреждение свозили сотнями тысяч. Здесь же их уничтожали. По крайней мере тех, кто не способен был работать.

Западные ворота тоже были заблокированы красноармейцами. Подоспела дополнительно выделенная рота. Бойцы в бушлатах и фуфайках перебежали от здания к зданию, шли навстречу солдатам Пляскина. Они старались не расходиться, посматривали на странные плакаты и указатели, на трубы печей в северной части лагеря, в которых происходило окончательное решение еврейского вопроса.

Корпуса, в которых располагались лаборатории и отдельный маленький крематорий, до сих пор плавали в клубах едкого дыма. Здесь эсэсовцы перед бегством сжигали все, шли с огнеметами, не пропускали ни одной мелочи. Лаборатории, помещения для опытов, содержимое извилистой сети подвалов – все превратилось в обгорелые руины. Солдаты брезгливо зажимали носы, стремились быстрее одолеть зону, дышать в которой было невозможно.

У трехэтажного здания администрации, сложенного из

красного кирпича, стояли два грузовика с отброшенными бортами. К ним от крыльца спокойно шли шарфюрер и рядовой эсэсовец. Очевидно, они работали в подвалах, увлеклись, замечая следы своих преступлений. Для них стало откровением, что на территории лагеря уже русские!

Автоматчики тоже оторопели. Немцы что-то проорали и бросились к крыльцу. Бойцы спохватились и открыли огонь. Шарфюрер распростерся в нескольких шагах от машины. Его товарищ успел вознестись на крыльцо, где и поймал несколько пуль. Он покатился к ногам своих сослуживцев, которые выносили из здания ящик, обитый железом.

Те бросили свою ношу, открыли рты от изумления. Прогремел тревожный окрик. Завертелась карусель! Немцы срывали с себя автоматы, пятились в здание.

Бойцы майора Пляскина опомнились первыми, открыли огонь из «ППШ», загнали эсэсовцев внутрь. Два трупа остались на крыльце.

Автоматчики по команде молодого лейтенанта бросились на приступ, забросали крыльцо гранатами. Несколько штук закатились в фойе, где и сработали. Бойцы кашляли в дыму, врывались внутрь, стреляли напропалую. Часть эсэсовцев они положили в холле.

Но целая толпа осталась в подвале. Немцы гомонили там, как куры в курятнике. Они сдуру попытались вырваться, кинулись по ступеням вверх, швырнули пару гранат-колотушек.

Два бойца не успели укрыться за колоннами, их тела порвали осколки. Взбешенные автоматчики открыли ураганный огонь в черную падь подвального пролета.

Кто-то истерично надрывал глотку:

– Братцы, Кольку-гармониста убили! Как же без него?!

Ярость рвалась через край. От увиденного в лагере, от потери товарищей, которые в этот день никак не должны были погибнуть!

Автоматчики швыряли гранаты к подножию глубокой лестницы. Туда влетело не меньше десятка лимонок. Не посчет немцев осколками, так пусть в дыму задохнутся!

– Мы сдавайся! – проорал из недр подвала какой-то эсэсовец.

– Все выходим, бросаем оружие у входа, руки за головы! – выкрикнул лейтенант, дрожащий от возбуждения.

Заместитель командира взвода, немного знакомый с языком Шиллера и Геббельса, повторил то же самое по-немецки.

Эсэсовцы кашляли в дыму, выбирались из подвала. Они со снисходительными минами на лице бросали оружие, пренебрежительно смотрели на советских солдат. Унтер-офицер с кольцом на пальце зажимал нос батистовым платочком.

Их было порядка двух десятков. Они стояли посреди холла, кривились, ухмылялись, смотрели свысока, с презрением.

Несколько бойцов скатились вниз. Через пару минут они

вернулись и сообщили взводному, что все немцы вышли из подвала.

Коренастый боец с трехдневной щетиной готов был наброситься на надменного унтера.

– Что ты zenки пялишь, падла? – прошипел он. – Кончилось ваше время фашистское, теперь по-нашему все будет!

Унтер лениво обернулся к подчиненным, что-то бросил им. Эсэсовцы засмеялись.

– Надо же, вшивая русская дворняжка обляяла меня, – перевел его слова заместитель командира взвода. – Он очень расстраивается. Неужели, мол, нам теперь придется переходить на русскую еду?

Солдаты возмущенно загудели.

– Лейтенант, неужто стерпим? – прорычал высокий боец с пудовыми кулаками. – Они нам в рожи смеются, а мы их в плен? Может, еще накормим, спать положим? Лейтенант, это же СС! Ты посмотри на их петлицы!

Молодой офицер сам дрожал от ярости. Он потерял на этой войне все – дом, семью, невесту.

Лейтенант колебался недолго, рывкнул так, что штукатурка посыпалась со стен:

– Расстрелять эту сволоту! Да не здесь. На улицу выгнать, и к стенке!

Дважды повторять не потребовалось. Солдаты били безоружных немцев прикладами, хватали за шиворот, пинками отправляли к выходу. Их сбрасывали с крыльца, пересчитывали.

вали по головам.

На улице избиение продолжилось. Эсэсовцы отступали к забору, закрывались от ударов. Если кто-то сопротивлялся, с ним и вовсе не церемонились, налетали втроем, превращали физиономию в фарш. Около двух десятков безоружных, побитых мерзавцев жались друг к другу, отступали. Советские бойцы еще не выместили злобу, били от души – за пострадавшую родню, за павших товарищей, за изувеченную страну.

– Все, хватит! – прокричал лейтенант. – Кончай их! Первое отделение, стройся! Заряжай, целься!

Немцы в страхе загалдели. Что происходит? По какому праву их расстреливают?! Они военнопленные, с ними нужно обращаться согласно какой-то там конвенции!

– Хрен вам, а не конвенцию! – проорал, вскидывая автомат, заместитель командира взвода. – Жрите, суки, русскую еду!

Огонь солдаты открыли, не дожидаясь команды, не утерпели! Эсэсовцы орали, падали. Щелкнул каблуками унтер-офицер, выбросил руку в нацистском приветствии и отлетел к забору с явными излишками свинца в организме. Когда упали все, солдаты перенесли огонь на трупы. Они не могли остановиться, убивали заклятых врагов снова и снова.

– Отставить! – заполошно выкрикнул капитан, неведь откуда взявшийся.

Он бежал из-за угла, махал руками.

– Терновский, что вы себе позволяете? Кто приказал? Нам нужны языки!

Но все уже кончилось. Два десятка тел, истерзанных пулями, валялись на земле.

– Терновский, да я вас под трибунал!.. – Капитан тряс кулаком под носом белого, как известка, лейтенанта. – Что за самоуправство? Вы за это ответите!

– Товарищ капитан, да это же нелюди! – крикнул кто-то. – Нельзя им жить. Вы посмотрите, что они наделали!

– Ладно, потом разберемся, – сказал капитан и отвернулся.

Его тоже терзали противоречия.

Щекотливую ситуацию подправил мотоциклист, с треском вылетевший на своем «М-72» из-за угла барака.

Он подлетел, остановился, покосился на горку свежих трупов и бодро отрапортовал:

– Неплохая новость, товарищ капитан. В южных бараках живые обнаружены! Их много, товарищ капитан! Соседние бараки немцы сожгли вместе с заключенными, а там, видать, не успели, опаздывали.

Капитан переменялся в лице, прыгнул в люльку. Мотоцикл, выстреливая гарь, унесся.

В нескольких бараках на южной стороне заведения действительно обнаружили живые узники. Там был отдельный сектор, содержались заключенные из Польши, Венгрии и Советского Союза. Эту зону отделяли от остальной территории

лагеря металлические ворота и ворох спиралей колючей проволоки. У ворот стояла грузовая машина с десятком канистр, наполненных бензином.

Совершить свое черное дело охранники не успели. Но двери и окна первых этажей они заколотили досками. Этим и объяснялась задержка с выявлением выживших заключенных.

Автоматчиков привлекли крики. Двери были открыты, обитатели барака выходили на волю. Они слепо шурились, плакали, не верили, что уцелели. Мужчины, женщины, дети, до предела изможденные, живые скелеты.

Они брели по коридору, образованному смущенными автоматчиками, недоверчиво смотрели по сторонам, что-то спрашивали на незнакомых языках. Солдаты недоуменно пожимали плечами. Их было несколько сотен, оголодавших, выживших по недосмотру лагерной администрации, давно потерявших веру во что-то светлое.

Безволосый мужчина, еле переставляющий ноги, радостно бросился к солдатам:

– Братушки, милые, наконец-то! Я сержант Конюхов. Под Брестом взяли в плен в начале войны. Много нас было, никто не выжил, только я один и остался. Не виноватый я, братцы. Немцы на рассвете в казарму ворвались, мы даже за оружие схватиться не успели. Тогда они еще добрые были, не убивали, всех на запад через Буг отправили. – У мужчины слезились глаза, он был убог и отвратителен, кутался в какое-то

отрепье, заискивающе смотрел в глаза.

Бойцы отворачивались. Замполиты, политруки и прочие проповедники прочно вбили им в головы, что сдача в плен – позор и уголовно наказуемое деяние, требующее самой жесткой кары. Уж лучше застрелись, но не сдайся врагу. О том, что существует масса ситуаций, когда невозможно застрелиться, эти проповедники умалчивали.

Мужчина ковылял дальше, опустив голову. Как он выжил с сорок первого? Разве такое реально? Впрочем, в этом безумии, растянувшемся почти на четыре года, было возможно все.

– Товарищ старший лейтенант, ведите людей к администрации! – прокричал капитан. – Там решим, где их временно разместить. Скоро особисты подтянутся. Распорядитесь, чтобы теплые вещи доставили, кухню. Но кормить немного! А то объедятся и кони двинут!

Сотрудники НКВД прибыли без опоздания. Два грузовика, набитых солдатами отдельного батальона охраны тыла действующей армии, и пара штабных машин с офицерами. Они брали под охрану ворота, ключевые перекрестки, в очередной раз прочесывали лагерь.

Солдаты майора Пляскина чуть не бегом покидали территорию, пахнущую смертью, строились за воротами.

Прибывали похоронные команды, офицеры второго отдела контрразведки, набившие руку по работе среди военнопленных и узников концлагерей. Через пару часов при-

ступил к работе фильтрационный пункт. Отогревшись, накормленных узников снова выводили на улицу, строили в очередь перед крыльцом администрации.

Это чистилище неторопливо, скрупулезно работало в просторном фойе, охраняемом автоматчиками. Офицерам помогали переводчики. Данные узников тщательно фиксировались, проводился визуальный осмотр. Людей сортировали по национальному, половому признаку, всех военнопленных отправляли в отдельный барак. Разборка с ними начнется позднее и окажется куда более тщательной.

Подозрение у сотрудника особого отдела вызвал сухощавый тип с мучнистым лицом. Он сутулился, носил рваный пиджак не по размеру, обвисшие засаленные штаны. Глаза его слезились, руки тряслись, он периодически раздражался пугающим кашлем, прерывающим бессвязную польскую речь. Но у человека, работавшего с ним, глаз был наметан. Этот пан Голушка, бывший бухгалтер из Лодзи, брился два дня назад! Как ухитрился-то? Да и волновался он, хотя усиленно это скрывал.

– Кто-нибудь знает этого доброго человека? – поинтересовался офицер у недавних узников, дожидавшихся своей очереди.

Они равнодушно пожимали плечами. Разве всех упомнишь?

– Лагерный номер покажите, если вам не трудно, – вежливо попросил офицер.

Все узники Аушвальда носили номера, вытатуированные на внутренней стороне правой руки, у сгиба локтя.

Пан Голушка побледнел.

Не все эсэсовцы успели бежать при приближении советских войск. Не всех расстреляли красноармейцы у здания администрации. Нашлись и те, которые спрятались.

Номер на руке этого субъекта отсутствовал. Хищный за-
травленный взгляд, пружинистая стойка.

Их было трое в этой очереди. Они рассредоточились, надеялись, что повезет, а теперь бросились на автоматчиков, стали вырывать у них оружие.

Драка была недолгой. Одного солдаты мигом нашпиговали свинцом. Он долго корчился на полу, не желал подышать. Другому проломили череп прикладом.

Бухгалтер изрыгал проклятия, вырывался, с ненавистью таранился на своих идейных врагов. Он сумел-таки врезать по животу красноармейцу.

– Ну, падла, подожди! – прорычал тот.

– Не убивать! – спохватился офицер.

Солдаты повалили этого фрукта на пол, скрутили руки, подняли, крепко дали под зад и увели. Их товарищи вынесли из здания трупы. Фильтрационный пункт продолжал свою работу.

Открытый «ГАЗ-67», явно не раз побывавший в крутых передрыгах, въехал на территорию лагеря в середине дня.

В нем сидели майор и три старших лейтенанта. Командир группы, сидевший рядом с вихрастым водителем, показал часовому удостоверение. В нем значилось, что предьявитель сего майор Никольский Павел Викторович является сотрудником третьего отдела контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта.

Солдат явно прибыл на войну из сельской глубинки. Он долго вчитывался в содержимое документа, смотрел то на фото, то на лицо человека, сидевшего в машине.

– Что-то не так, боец? – строго спросил майор. – У вас в НКВД все такие долгоиграющие?

– Прошу прощения, товарищ майор. – Часовой вернул документы. – Дело в том, что здесь уже работает контрразведка.

– Это другая контрразведка, – заявил Никольский. – Я должен объяснить вам, товарищ солдат, чем третий отдел отличается от второго?

– Парень слегка ушибленный. Такое бывает, – пробормотал вихрастый старший лейтенант, сидящий за рулем.

– Все в порядке, проезжайте, – заявил боец, возвращая документ. – Вы же сюда по делу, товарищ майор?

– На отдых, – ответил Никольский, пряча удостоверение в нагрудный карман. – Я слышал, тут прекрасный курорт с минеральными источниками.

– Vogнали вы служивого в краску, Павел Викторович, – рассуждал старший лейтенант Виталий Еремеев, проезжая

шлагбаум. – А он, между прочим, все правильно делает. Бдительность прежде всего!

– Мог бы и у нас документы проверить, – проворчал с заднего сиденья худощавый бледноватый офицер с постным лицом. – Раз бдительный такой.

– Только не это! Так мы до вечера тут проковыряемся, – буркнул коренастый парень с широким, обманчиво добродушным лицом. – А ночевать в этом славном местечке очень не хочется.

– Боюсь, придется, товарищи офицеры, – сказал Никольский. – Не думаю, что в ближайшем населенном пункте нам подготовили гостиницу с баней. А здесь нас вряд ли поджидает что-то непривычное.

Впрочем, майору вскоре пришлось забрать свои слова обратно. Ни с чем подобным офицеры СМЕРШа еще не сталкивались.

«Газик» медленно двигался по концлагерю. Людей в округе было мало. Лишь у отдельных барачных корпусов возились фигуры в противогазах, выносили тела.

Несколько раз старший лейтенант Еремеев по приказу Никольского делал остановки. Офицеры заходили в бараки, оглядывали их. Осмотр оврага, ставшего братской могилой, не затянулся.

Офицеры торопливо возвратились к машине, ехали мимо крематориев, газовых печей, каких-то весьма подозрительных ям. Потом они опять наведывались в бараки, беседова-

ли с офицерами и бойцами караульной роты НКВД.

– Волосы дыбом, – признался Борис Булыгин, затравленно косясь по сторонам. – Вот каюсь, товарищ майор, ни в бога, ни в черта не верю, а как заехали на этот минеральный курорт, так не могу избавиться от желания перекреститься.

– Там волосы в бараке, – проговорил Еремеев и судорожно сглотнул. – Самые натуральные, человеческие, товарищ майор. Стригли людей и ничего не выбрасывали. Там их тонны. Зачем я поел? – сокрушался молодой офицер. – Такая знатная каша была, с мясом. А теперь оно обратно лезет, не могу остановить.

– Так не откажи себе в маленьком удовольствии, – проворчал Павел. – Два пальца в рот, и сразу полегчает. Ты, Борис, тоже не стесняйся, крестись, сегодня можно.

– Выпить бы сейчас, – мечтательно пробормотал Кобзарь. – Тоже не грех, верно, командир? Славное местечко. – Он шумно выдохнул. – Сколько же народа фашисты загубили? И, спрашивается, зачем? Мои мозги не понимают, в чем великий смысл всего этого.

– Концентрационный лагерь Аушвальд функционирует с тридцать девятого года, когда немцы Польшу прибрали, – сказал Павел. – Сначала они тут три барака поставили, исключительно для поляков, невзлюбивших фашистскую власть. Потом расширяться стали, целый город в итоге получился. Один из элементов большой системы для механизированного уничтожения людей. Газовые камеры, кремато-

рии, конвейеры, оборудование, средства доставки и прочее. Про окончательное решение еврейского вопроса слышали? Вот здесь его и решали. Место удобное. С любой стороны света можно свозить народ. В Аухене сходятся несколько шоссе, рядом ветка железной дороги от станции Врожень. Первые годы евреев свозили из многих стран, даже из Германии. Потом перемешивать стали с поляками, венграми, русскими. Кого-то на работы отправляли, химзавод строили, пара рудников под боком. Но в основном, конечно, уничтожали. Даже не знаю, мужики, сколько народа здесь полегло. Может, миллион.

– Выкладываете, товарищ майор, какое у нас задание, – проворчал Кобзарь. – Мы с узниками концлагерей не работаем. Постигать ценности национал-социализма тоже нет желания. Вас дважды вызывали в армейский отдел. Вы с полковником Максименко такие загадочные ходили.

– Задание довольно несвойственное для нас, – признался Никольский. – Но работать с контингентом и подсчитывать жертвы кровавого режима нас никто не заставляет. При лагере имелась крупная научно-медицинская лаборатория, где садисты в белых халатах с высшим образованием ставили опыты на людях. Материала у них хватало на любой вкус. Слава о медиках этого заведения шагнула далеко за пределы Польши. Сюда приезжали специалисты для консультаций чуть не со всего рейха, набирались опыта. Нас интересует единственная фигура, некий доктор медицинских наук, по

совместительству штандартенфюрер СС Клаус Мендель. Он руководил здешней научно-исследовательской базой, проводил опыты в течение трех лет. Лично загубил не одну тысячу жизней. Нам поручено уточнить сферу его деятельности и возможное местонахождение. По данным местных агентов, имеющих отношение к концлагерю, еще вчера утром Мендель был здесь, утилизировал документацию.

– Да сбежал, чего ему тут сидеть, – заявил Булыгин. – Как почувствовал опасность, сразу ноги унес. Уж его-то в Берлине встретят с распростертыми объятиями.

– Кстати, совсем не обязательно, что удрал, – задумчиво проговорил Игорь Кобзарь. – Наши под Горицей и Любавью вчера прорвали фронт, продвинулись на двадцать километров и перекрыли автодорогу, идущую на запад. Если Мендель проканителится тут, то хрен он прорвется к своим. Даже в штатском, все равно задержат.

– Остался в районе – хорошо, удрал – все равно поймаем. Столь одиозные личности даже нашим западным союзникам ни к чему. Они им – только репутацию портить. Как бы то ни было, мы должны собрать как можно больше информации об этом субъекте, – сказал Павел.

– Что о нем известно? – спросил Еремеев, усмиривший желание опустошить желудок.

– Он молодой, тридцать три года, юное дарование, так сказать. – Павел поморщился. – Имеет медицинское образование, степень доктора наук. Возглавлял кафедру Института

антропологии, генетики человека и евгеники имени кайзера Вильгельма. Там же недолгое время преподавал. Специалист широкого профиля. Проводил эксперименты по созданию, так сказать, людей будущего, истинных, незамутненных арийцев. Занимался евгеникой – наукой, изучающей наследственность. Ставил такие опыты, что кровь в жилах стынет. Вполне благообразный молодой человек, кукольной, можно сказать, внешности. Воспитан, учтив, интеллигентен, имеет блестящее образование, эрудит во многих сферах. Общение с ним, по отзывам людей, знающих его, оставляет только приятное впечатление. Никогда не кричит, всегда любезен, способен поддержать беседу на любые темы.

– Неужели? – пробормотал Кобзарь. – И такого душку мы собираемся ловить?

– Именно, – подтвердил Павел. – И жестоко наказать за организацию массовых убийств, какими бы высокими научными целями они ни прикрывались. Кстати, детей и женщин он убивал тоже с учтивой улыбкой и неистощимой любезностью. Мендель женат, имеет двоих детей. Семья проживает в Потсдаме, пригороде Берлина. Говорят, он постоянно высылал им из лагеря подарки.

– Нет, сейчас меня точно стошнит, – заявил Еремеев. – Товарищ майор, не уезжайте никуда, я скоро. – Он засеменил за угол.

– Да уж, это ему не за роялем, – с усмешкой проговорил Игорь, провожая взглядом товарища.

– За каким роялем? – не понял Никольский.

– А вы не знали? – удивился Кобзарь. – Открою вам тайну, товарищ майор. Наш Виталька музыкальную школу посещал. Потом, правда, бросил, в милицию подался. Но на рояле лабать очень даже может. И Рахманинова, и одесский блатняк, и все, что захотите. Слух у него очень нежный, музыкальный. Только не любит он об этом говорить, стесняется. Какое-то непролетарское занятие.

– Всех нас в молодости по сторонам бросало, – сказал Булыгин. – Я вот, как и этот Мендель, в медицинский институт поступил. Мама дорогая, за первый год все кости человека наизусть выучил. Их миллион, отбарабанить хоть ночью мог. Потом, правда, бросил. Муть мутная, не мое. – Он содрогнулся. – Недавно проезжали мимо той горы, что у полотно свалена, а у меня как начало сверкать в башке. Ничего поделать не мог! Вот это малоберцовая кость, подвздошная, седалищная, патернальная клиновидная. Словно с ума сошел, потом вроде отпустило.

– Сложные вы натуры, – заявил Кобзарь. – Проще надо быть, товарищи офицеры. Вот я, к примеру, в своем втором отделе иркутского патронного завода ничем таким не заморачивался, просто делал свою работу, врагов искал, так сказать. – Он замолчал и задумался.

А уместно ли это «так сказать»?

Глава 3

Они стояли у взорванного, а потом и сгоревшего здания главного лабораторного корпуса и мрачно разглядывали то, что от него осталось. Копаться в руинах им совсем не хотелось. Там сгорело все. Соседние строения тоже сильно пострадали. Похоже, эсэсовцы обильно поливали их из огнеметов.

«Вот здесь и проводились безжалостные опыты, – думал Никольский, созерцая груды обгорелых строительных конструкций. – А сейчас попробуй разберись, что именно этот Мендель там делал».

У здания администрации шумели люди, гудели двигатели. Выживших заключенных распределяли по партиям и куда-то увозили. Многие не могли самостоятельно забраться в кузов. Солдатам приходилось помогать им.

– Здравия желаю, товарищ майор! Капитан Гундарь, двести двенадцатая особая рота НКВД. Представьтесь, пожалуйста, и озвучьте цель прибытия, – прозвучало за спиной.

Павел повернулся.

Капитан Гундарь был ниже его на полголовы, средних лет и таких же пропорций. Щеки от важности он не дул, не смотрел на Павла как на врага народа.

– Приветствую вас, капитан! – Никольский показал удостоверение. – Оперативная группа армейской контрразвед-

ки СМЕРШ. Работаем по приказу полковника Максименко. Позвоните в штаб, удостоверьтесь. Я имею полномочия требовать от должностных лиц полного содействия, предоставления людских и материальных ресурсов, а также соблюдения строгой конфиденциальности. Я не очень тяжелую фразу составил? – осведомился он.

– Нет, все в порядке, товарищ майор, – сказал Гундарь. – Я имею высшее техническое образование, связанное с горным делом. Привык к тяжелому.

Офицеры улыбнулись.

– Вообще-то нам не до смеха, капитан, – сказал Никольский. – Ваши люди вывозят выживших узников. Рекомендую не спешить с этим делом. Мне нужны вменяемые, обладающие ясной памятью и умением делать выводы. Не сомневаюсь, что такие есть. Особенно желательны те из узников, которые поневоле участвовали в экспериментах здешних медиков, возглавляемых доктором Менделем. Не уверен, что они остались, но есть смысл поискать. Подберите нормальное помещение в здании лагерной администрации, желательно избавленное от нацистской символики. Не помещает печка, ибо не май месяц. Уверен, ваши люди все вокруг уже обыскали. Мне требуется то, что связано с медицинской частью, – люди, документы, вещи, фотографии. Вы вроде сообразительный человек, капитан.

– Не особенно, товарищ майор. – Гундарь хитро усмехнулся. – Да, я понял. Помещение будет подобрано через

несколько минут. Насчет всего остального придется подождать. Да, вот что интересно, – вспомнил капитан. – Есть у нас эсэсовский офицер. Он застрял в лагере, мы его поймали. Пока не допрашивали. Высокомерный сукин сын, ведет себя по-хамски и при этом совершенно не боится получить по физиономии. Не знаю, имеет ли он отношение к медицинскому центру, но к охране концлагеря – наверняка.

– Хорошо, – сказал Павел. – Мы обязательно поговорим с этим типом.

Мебель в бывшей канцелярии была добротная, стены аккуратно выкрашены, окна не продувались. На столах еще стояли немецкие печатные машинки, лежали канцелярские принадлежности. Но содержимое столов и шкафов немцы вывезли, а то ненужное, что валялось на полу, оперативно вымели бойцы Гундаря. Двери сейфов нараспашку, пахло какой-то неприятной химией.

При немцах здесь трудились и женщины. На подоконнике лежали тюбик губной помады и круглое зеркальце.

Попыхивала буржуйка, распространяя приятное тепло. Дымоотвод люди Гундаря протянули в форточку, а щели, образовавшиеся при этом, заткнули обрывками немецкой шинели.

– Хорошо-то как! – пробормотал Кобзарь, грея замерзшие руки над печкой.

– Ты же вроде сибиряк, – заявил Еремеев, воюя с непо-

слушным выдвижным ящиком. – А значит, по определению мороза не боишься.

– Сибиряк – не тот, кто мороза не боится, – поправил его Булыгин. – А тот, кто тепло одевается.

– У нас иначе говорят, – заявил Игорь. – Была бы печка, а сибиряки найдутся.

Никольский стоял у окна, заложив руки за спину. Из канцелярии открывался вид на внутренний двор, заснеженную клумбу, на лавочки вокруг цветочного пяточка. Здесь в теплое время года отдыхали немецкие офицеры. Они курили, вели душевные беседы, общались с представительницами прекрасного пола. А потом опять шли мучить, пытать, загоняли людей в крематории.

«Неужели так можно? – недоумевал Павел. – Сидеть в канцелярии, тепло общаться с сослуживцами и относиться ко всему тому ужасу, который здесь творился, как к обычной работе? Психика не шалила, кошмары во сне не являлись? Такое продолжалось годами – это нормально? Насильно умерщвлялись сотни тысяч людей, никоим образом не солдат, и все это воспринималось нормально. Как же удалось фюреру взрастить таких бездушных холодных тварей? А кто-то обвиняет в подобном Советский Союз. Не было у нас ничего такого!»

Майор Никольский мог поклясться в этом с полной профессиональной ответственностью. Перегибы – это да. Людей несправедливо репрессировали, расстреливали, они сгнули

без вины в сибирских лагерях.

Все это было глупо отрицать. Никакой режим не наберет такое количество реальных врагов. Данный факт всегда смущал майора, наводил его на вредные размышления.

Но как можно уничтожить людей миллионами только лишь за то, что они евреи, цыгане или, скажем, славяне?

Он сел за стол, положил перед собой фотографию, выданную под роспись в штабе армии. Со снимка взирал на него элегантный темноволосый господин в опрятном гражданском костюме. В его внешности, хоть тресни, не было ничего демонического. Вполне нормальный разрез глаз, губы, овальное лицо с заостренным подбородком. Короткая стрижка, аккуратный пробор, густые темные брови, обрывающиеся у переносицы. Цвет глаз черно-белое фото не передавало.

Мужчина улыбался. Он явно был неплохо расположен к фотографу.

В нем не было ничего арийского. На вид обычный молодой человек весьма интеллигентной наружности. Без скрытого коварства, демонического блеска в глазах.

Если бы кто-то попросил майора проявить аналитические способности, предположить, кем может быть этот человек, то он не выдал бы ничего определенного. Павел сказал бы, что это школьный учитель, преуспевающий коммерсант, молодой президент какого-нибудь английского яхт-клуба.

Он раздраженно бросил фото на соседний стол, за кото-

рым сидел Еремеев.

– А это что за дамский угодник? – осведомился Виталий.

– Тот самый, – проворчал Павел. – Запомни и передай другому.

Дамский угодник!.. Возможно, такая характеристика тоже подходила для достопочтенного доктора Менделя.

Майор исподлобья разглядывал поджарого мужчину, которого только что втокнул в кабинет автоматчик. Тот был не в форме, но разве спрячешь породу за блохастым пиджаком? Черный орден СС, элита германского военизированного общества, каста избранных, тех самых, которые должны были привести Германию к вершинам мирового могущества.

Волос на голове у него осталось немного. Сама она напоминала бракованное яйцо. Мешки под глазами выросли такие, что сползали на щеки.

Во всем остальном – орел. Надменный взор, презрительно подобранные губы, сухой, как вобла, которая лишнюю неделю провисела на солнце. Он стоял, дерзко задрав голову, перед канцелярскими столами, за которыми сидели советские офицеры.

– Рядовой, руки ему развяжите, – приказал Павел.

Автоматчик поколебался и спросил:

– Вы уверены, товарищ майор?

– Не понял, боец! – заявил Никольский. – Когда командир поднимает тебя в атаку, ты задаешь ему тот же вопрос?

– Так он того... – Малорослый солдатик смутился. – Опас-

ный. Кидался на нас, как бешеная псина, старшине нашему запястье прокусил. Тот теперь в атаку долго не пойдет.

– Может, действительно не стоит? – предложил Булыгин. – Будет на нас бросаться, придется делать новые записи в медицинских книжках.

– Развяжи и жди в коридоре! – приказал Никольский. – Мы пока еще в состоянии постоять за себя.

– Слушаюсь! – Рядовой поддел перочинным ножиком веревку, быстро размотал путы и смотался.

Немецкий офицер потирал затекшие запястья, исподлобья разглядывал своих врагов.

Особых иллюзий майор Никольский не питал, но пообщаться с этим типом стоило. Он кивнул на табуретку, предлагая присесть. Немец поколебался, потом гордо покачал головой. Дескать, сами сидите. Никольский пожал плечами. Хозяин – барин. Он раскрыл папку с чистыми листами, приготовился писать.

– Представьтесь, пожалуйста, – вежливо попросил Павел на немецком. – Назовите ваше звание, должность, уточните обстоятельства, которые помешали вам бежать отсюда.

Немец презрительно фыркнул. Прямой, как шпала, в задрипанном пиджачке, надменный до невозможности, он смотрелся донельзя карикатурно.

– Русские медведи, вылезшие из берлоги, учат немецкий язык, да? Поздравляю, у вас неплохо получается. Ваши усилия будут по достоинству оценены великой Германией.

Остальные офицеры контрразведки СМЕРШ знали немецкий язык не в совершенстве, но понимать чужую речь могли и рожи состроили соответствующие. Немец заметил это, слегка смутился, но продолжал изображать арийскую невозмутимость.

– Пауль Шлиссельман. – Он щелкнул каблуками и дернул подбородком. – Штурмфюрер СС! – Похоже, его распирало от гордости за собственную значимость. – Начальник охраны блоков номер десять, одиннадцать и двенадцать. Задержался в лагере по причине подготовки к взрыву здания, в котором мы сейчас находимся.

Офицеры и ухом не повели. Никто из них не сорвался с места, не бросился бежать. Гундарь докладывал им, что фрицы не успели осуществить задуманное. Часть архивов они погрузили в машину. Бойцы лейтенанта Терновского загнали их в подвал, потом выкурили обратно и расстреляли.

Штурмфюрер и двое его подчиненных минировали бойлерную, соединенную со зданием, бежать не успели. Они хотели раствориться среди заключенных, но их раскусили. Взрывчатку из подвала извлекли саперы.

Офицеры снисходительно улыбались, что не укрылось от внимания штурмфюрера.

– Что находилось в перечисленных блоках? – спросил Павел.

– Блок десять – мужской карантинный лагерь. Блок одиннадцать – женский карантинный лагерь. Блок двенадцать –

место наказания для нарушителей правил лагеря, – не моргнув глазом отчитался Шлиссельман.

О блоках вроде здешнего, двенадцатого, Павел уже слышал. Что-то подобное было в лагере Кадыница, расположенного на востоке Польши. Там арестантов помещали в крохотные закутки площадью меньше квадратного метра. Им приходилось стоять всю ночь, бывало, сутки или двое. Не то что прилечь, присесть было некуда.

Заключенных истязали водой, вытягиванием конечностей. Система наказаний подразумевала и медленные убийства. Арестантов закрывали в герметичных камерах, где они погибали в мучениях от нехватки воздуха. Бывало, что их просто не кормили, и люди умирали от голода.

Пыточные камеры соединялись с внутренним двором. Искалеченных заключенных швыряли туда и расстреливали.

– Вы контактировали с доктором Менделем?

Шлиссельман чуть поколебался.

– С кем имею честь? – выплюнул он. – Почему я обязан отвечать на ваши вопросы, а вы на мои – нет?

– Вы имеете честь говорить с майором Никольским. Я представляю контрразведку СМЕРШ, действую по поручению своего командования и имею право задавать вам вопросы. Итак, вы контактировали с доктором Менделем?

– Да, несколько раз в карантинном блоке я участвовал в подборе материала для его опытов. Это не являлось секретом. Доктору Менделю требовались здоровые мужчины сла-

вянской наружности не старше тридцати лет. Особое внимание уделялось близнецам, желательно младшего школьного возраста.

Он говорил об этом как о чем-то обыденном. Примерно так строители или инженеры обсуждают свои текущие производственные дела.

– Я не знаю, чем занимался доктор в своих медицинских корпусах, – добавил эсэсовец. – Можете пытаться, я все равно ничего об этом не скажу. У меня нет медицинского образования. Доктор никогда не обсуждал со мной свои профессиональные дела.

– Но какое-то образование у вас есть?

– Безусловно. В начале тридцатых годов я окончил сельскохозяйственный факультет в Мюнхене.

– Понятно. – Павел усмехнулся и добавил: – Но по мирной специальности ни дня не работали, поскольку увлеклись другим. Кажется, именно в то время расцветала ваша партия НСДАП. Ее лозунги нашли в вашей душе самый живой отклик, не так ли?

– Да, я состоял в штурмовых отрядах, – не без гордости заявил Шлиссельман. – Вступил в ряды СС, получил личную благодарность за верную службу от самого Йозефа Геббельса, будущего министра пропаганды.

– Вы говорите о том слабом драматурге и неудавшемся журналисте, который нынче мнит себя непревзойденным оратором и выдающимся писателем? – с усмешкой спросил

Павел. – Этот психопат и убийца скоро будет болтаться на виселице!

– Я попросил бы вас обойтись без оскорблений, – надменно проговорил Шлиссельман. – Йозеф Геббельс не будет болтаться на виселице, равно как русские войска не войдут в Берлин, даже если большевики мобилизуют для этого все мужское население своей страны. Этого никогда не было и не будет.

– Прошу прощения, штурмфюрер, что раню ваши патристические чувства. – Павел не удержался от самодовольного оскала. – Но было. Русские войска уже брали Берлин. Это произошло в восемнадцатом веке, в ходе войны с прусским королем Фридрихом Вторым.

– Что, серьезно? – спросил Еремеев.

– Стыдно, товарищ старший лейтенант, не знать историю своей страны, – упрекнул его Никольский. – Чистая правда, зуб даю. Особого толку от этого тогда, увы, не было, но все равно тешит.

– Ну да, приятная мелочь, – согласился Булыгин. – Значит, дорожку туда мы уже протоптали. Теперь будет легче.

– Вы женаты, герр штурмфюрер? – спросил Никольский.

– Да, моя супруга проживает в Дюссельдорфе, – с важностью сообщил эсэсовец. – У меня два сына, один из них окончил юнкерское училище СС в Бад-Тельце и готов отправиться на Восточный фронт, чтобы защищать наши священные рубежи. Другой скоро подрастет.

– Мы уже трепещем, – как-то задумчиво пробормотал Кобзарь. – Семейная династия, все эсэсовцы.

– И папа у нашего собеседника был эсэсовец, и бабушка с дедушкой, – проговорил Еремеев.

– В этом лагере при вашем непосредственном участии были уничтожены сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Вас не одолевают кошмары, герр Шлиссельман? Вы не кричите по ночам, не просыпаетесь в холодном поту? Супруга знает, чем вы занимались? Или она вас полностью поддерживает?

– Вы кто такой, чтобы говорить о совести настоящего арийца? – процедил Шлиссельман. – Я разделяю мнение рейхсминистра Геббельса по данному вопросу. Все человеческие позывы должны подавляться, уступать место железной решимости, с которой следует выполнять приказы фюрера. Мне не чуждо ничто человеческое, но я солдат.

– Вы зверь и убийца, – заявил Павел, закрывая папку.

Иллюзий насчет этого типа он не питал изначально, и эти его предположения подтвердились. Беседы о моральных ценностях в задачу майора контрразведки СМЕРШ не входили.

Идеологическая база у его врагов была более чем устойчива. В структуры СС, даже низшие, не набирали людей после церковно-приходской школы. Большинство из них имело среднее образование, каждый десятый окончил высшее учебное заведение. Почти все эти нелюди считали себя ве-

рующими. Среди них были католики и протестанты. Они ходили в церковь и свято верили, что с ними Бог.

– Когда вы в последний раз видели доктора Менделя?

– Какая разница, когда я его видел? Возможно, вчера или позавчера. Почему я должен об этом помнить? Повторяю, я никогда не имел ничего общего с научными разработками доктора, только охранял его подопечных и поставлял ему лабораторный материал. Каждый занимается своим делом.

– Что вы можете сказать о докторе Менделе? Какой он человек?

– Это истинный профессионал, мастер своего дела, умница, владеет несколькими медицинскими специальностями. Он молод, и это несомненное достоинство. Доктор неукоснительно выполняет задания нашего политического руководства, ведет борьбу за чистоту расы, старается создать человеческую элиту, сверхлюдей.

– Селекция, – пробормотал Виталий Еремеев. – Как с картошкой, ей-богу.

– Наш доктор скромнен в быту, вежлив, воспитан, галантен с дамами и особо трогательно относится к детям, – разглагольствовал немец. – Он автор многих серьезных научных работ, пользуется необычайным авторитетом. На лекции доктора о селекции и генетике всегда собираются толпы слушателей. В первый блок, которым он руководил, часто приезжали люди с учеными степенями, перенимали опыт, проводили совместные эксперименты. Он никому не отказывал.

Доктор находится в двух шагах от алгоритма создания высшей арийской расы, которая рано или поздно будет доминировать над всеми остальными и указывать им верный путь.

– Я так понимаю, что ваш режим держится на вере в исключительность арийской расы и несущественность всех других. То есть на порабощении. – Никольский не моргая смотрел нацисту в глаза. – Условно допустим, что вы добились своего. Чем займетесь, когда поработите все народы, включая самые отдаленные северные и дикие африканские? Не станет скучно? Вы же все-таки тысячелетний рейх. Кажется, так трещат ваши главари со всех трибун.

– Да это когда еще будет, – протянул Булыгин. – Космические корабли уже изобретут. Сначала Луну фрицы поработят, потом на дальние галактики глаз положат.

– Не переживайте, – заявил Шлиссельман. – На наш век работы хватит.

– На ваш – не уверен, – отрезал Павел. – Ваша личность, герр штурмфюрер, не представляет более никакого интереса для нас ввиду вашей слабой информированности. Вас расстреляют. Надеюсь, это произойдет не позднее чем завтра. Эй, боец! – крикнул он. – Уведите арестованного!

Немец побледнел. Ему жутко хотелось сохранить выдержку и хладнокровие, показать этим отбросам низших рас, кто тут настоящий сверхчеловек! Но выходило бледно, скулы свела судорога. Презрительная усмешка тоже не получалась.

Вошел боец и вытолкнул его в сторону.

В кабинете какое-то время сохранялось молчание. Оперативники настороженно поглядывали на командира. Первый блин комом. Что дальше?

– Работаем, товарищи, не останавливаемся, – проворчал Никольский.

«Ушел Мендель или нет? Вопрос, конечно, интересный. На западе стоят наши части, фронт отодвинулся, все трассы перерезаны. Войсковую разведку мы, как и положено, информировали. Но этот демон вполне мог прорваться», – рассуждал майор Никольский.

Он несколько раз ловил себя на мысли о том, что занимается не тем и не там. Его место в полях и болотах. Надо рыть носом, опрашивать местных жителей и пленных немецких солдат. Если контрразведчикам удастся удостовериться в том, что Менделя на освобожденной территории нет, то работа по его выявлению будет поручена совсем другим структурам.

Пользы от выживших узников было немного. Находились люди, желающие оказать содействие, но общая картина вырисовывалась плохо.

Никольский иногда задумывался о том, зачем командованию нужен этот Мендель. Хотят воспользоваться какими-то его наработками? Вырвать из немецкой науки важное звено? Предотвратить уход Менделя к западным союзникам, которые не откажутся использовать в своих закрытых лаборато-

риях столь незаурядный ум?

Майор допросы не проводил, шатался по смежным помещениям, где его сотрудники вели задушевные беседы с недавними заключенными. Те отогрелись, их покормили, переодели. Но способность связно выстраивать речь и блистать памятью вернулась не ко всем. Это были выходцы из стран, сопредельных с Советским Союзом: венгры, поляки, чехи, несколько прибалтов. Среди них почему-то затесался один итальянец.

Почти все эти люди попали в Аушвальд не позднее трех месяцев назад, оттого и не растеряли человеческий облик. Немцы доставляли их сюда эшелонами, в товарных вагонах. Заключенные давились в них, как селедки в бочке, и доезжали далеко не все.

Евреев оккупанты сразу отчленяли и увозили в неизвестном направлении. Больше их никто не видел. С цыганами они тоже не церемонились. Та же участь ожидала слабых, пожилых и больных представителей любых других национальностей.

Всех остальных арестантов фашисты эксплуатировали без пощады. «Работа делает свободным», – наставительно заявляли мучители. Заключенные надрывались в карьерах, строили химический завод, где, по слухам, немцы собирались изготавливать печально знаменитый газ «Циклон Б» и его производные. По счастью, это предприятие не успело заработать на полную мощность.

Общению с недавними заключенными мешал языковой барьер. По-русски эти люди почти не понимали, из немецкого освоили лишь команды. Про страшный медицинский блок они, конечно, слышали, но никто из них там не бывал.

В бараки приходили люди в белых халатах в сопровождении вооруженных офицеров и проводили отбор. Предпочтение они отдавали близнецам, не брезговали молодыми матерями с маленькими детьми. Сразу забирали карликов, людей с врожденными дефектами – акромегалов, обладателей непропорциональных частей тела, аутистов. Назад эти заключенные, понятно, не возвращались.

Несколько раз в разговорах контрразведчиков с вчерашними узниками возникало конкретное имя: Ильза Краузе. Эту юную садистку знали все. Старшая надзирательница женского блока, помощница коменданта, фактически второй человек в лагерной иерархии, невзирая на нежный возраст. Этому чудовищу было от силы двадцать два года.

Очень часто ее видели в компании доктора Менделя. Была ли она его любовницей, помощницей, доверенным лицом – неизвестно. Ее описывали как невысокую, но фигуристую светловолосую девушку с правильными чертами лица. Она ходила то в штатском, то в форме, но всегда носила высокие тяжелые сапоги, имела при себе пистолет и кнут. Ильза любезничала с офицерами, любила французский коньяк, пела песни, постоянно улыбалась.

В Аушвальд ее перевели года полтора назад из специали-

зированной женского концлагеря. С медициной она дружила, окончила курсы медсестер, оттого и имела дела с Менделем.

Ильза обожала лично принимать участие в пытках, забивала до смерти женщин кнутом. Любимым ее развлечением перед сном был расстрел заключенных. Люди метались по замкнутому двору, а она стояла на вышке и била по ним из пулемета. Ильза держала свору собак, морила их голодом, а потом спускала на заключенных и с удовольствием наблюдала, как голодные твари рвут их на куски. Она лично ходила по баракам и подбирала кандидатов для отправки в газовые камеры, при этом с любопытством наблюдала за их реакцией.

Несколько человек хором уверяли сотрудников контрразведки СМЕРШ в том, что в последний раз видели доктора именно с ней. Оба были в штатском, ходили по блокам в сопровождении автоматчиков и о чем-то увлеченно спорили.

Фотографию Ильзы Краузе офицерам найти не удалось.

Прибыл посыльный из 49-й отдельной роты фронтовой разведки. Он доложил майору Никольскому, что специальные подразделения прочесывают местность западнее Аушвальда, но пока безрезультатно.

– М-да, неурожай, – подвел итоги проделанной работы Булыгин и вопросительно уставился на командира.

Ночь прошла на пыльном матрасе в бывшем офицерском общежитии. Ее разнообразили цветные сны и постоянные

тревожные пробуждения.

– Есть новости, товарищ майор, – объявил капитан Гундарь, вторгшись в помещение в одиннадцатом часу дня. – Двадцать четвертого января эсэсовцы вывели из лагеря колонну трудоспособных узников и пешим порядком погнали на запад, в Германию. По пути многие, естественно, погибли. Примерно в пяти верстах от Аушвальда заключенные взбунтовались. Некоторым из них удалось завладеть оружием и пуститься в бега. Конвоиры кинулись за ними и перебили почти всех. Спаслись только двое. Они трое суток прятались в лесу, жгли костер, зарывались в лапник. По канонаде поняли, что наши войска уже на западе, вышли из леса и попались патрулю. Это было вчера вечером. Не эсэсовцы, не переодетые немцы. Оба имеют лагерные номера, кололи их явно давно. Мы выяснили, они действительно узники этого лагеря. Один наш офицер, другой – англичанин. Русский – Иван Максимович Градов, до пленения возглавлял медсанбат.

– Вот как? И где они? – спросил Павел.

– С ними все в порядке, – уверил его Гундарь. – Ночь провели рядом с печкой. Их охраняли, сами понимаете. Желаете допросить, через десять минут доставим.

«Не допросить, а побеседовать, – подумал Павел. – Хотя...»

Конвоиры вскоре ввели беглецов, посадили на лавку у сте-

ны. Офицеры с любопытством и сочувствием разглядывали этих бедолаг. Они переоделись, получили сапоги, фуфайки, утепленные штаны, но смотрелись неважно. Запавшие глаза, до неприличия выпирающие лицевые кости. Оба сильно волновались.

Градов был выше, массивнее. Бросалась в глаза развитая лобная кость, нависающая над переносицей, что далеко не всегда является признаком отсталого ума. Он облизывал пересохшие губы, беспрестанно сглатывал.

У англичанина было вытянутое лицо. Он нервно улыбался, комкал затрапезную шапку, выданную интендантом.

Павел поднялся, сделал несколько шагов, протянул Градову початую пачку папирос и предложил:

– Курите, Иван Максимович.

– Благодарю, товарищ майор, – хрипло отозвался Градов, извлекая папиросу дрожащими пальцами.

Щелкнула зажигалка.

Иван жадно затянулся, уставился на Никольского и спросил:

– Или все же гражданин майор? – Голос его дрожал.

Англичанин глянул на пачку, протянутую ему, и произнес, коверкая русские слова:

– Спасибо, я не курю. Это очень вредно для здоровья.

Что ж, дело хозяйское.

Павел вернулся за стол, выудил из папки чистый лист, устремил задумчивый взгляд на людей, которым недавно

невероятно повезло.

– Вы не можете избавиться от чувства, Иван Максимович, что снова находитесь в плену, – подметил он. – Это вас сильно удручает и вгоняет в тоску. Вы ошибаетесь, мы не видим в вас врага. Вы проявили мужество, уцелели в плену, бежали, приняли неравный бой с карателями, выжили в зимнем лесу, сохранили при этом ясность ума. Это дорогого стоит, Иван Максимович.

– Но я попал в плен.

– Вот именно, что попали, – сказал Никольский. – А не сами сдались. Мы не видим в вас предателя или труса. Мы не та структура, которая выискивает неблагонадежных граждан среди узников концлагерей и людей с оккупированных территорий.

– А какая вы структура? – Градов поискал глазами, куда выбросить окурок, не нашел и пристроил его рядом с собой на лавке.

– Контрразведка СМЕРШ. У нас другие цели и задачи. Вас накормили?

– Да, спасибо. Обходились с нами вежливо, дважды давали поесть. Мы спали в тепле. – Градов усмехнулся. – Уже забыли, что это такое. Осень была не очень теплой, зима – издевательски холодной.

– Давайте коротко о себе. С вашим спутником я поговорю позднее.

Никольский слушал военного врача и не мог избавиться

от неприятных мыслей:

«Ведь наш человек, советский! С мужеством и стойкостью все в порядке, боролся за жизнь, не сдался, с фашистами не сотрудничал. А что его ждет?»

В данном вопросе я бессилён. Немецкий лагерь, скорее всего, сменится на наш. Бывших военнопленных в Советском Союзе не жалуют. Тем более офицеров. Особые отделы постараются, обвинят во всех смертных грехах – мол, ты еще и с англичанином якшался! – да отправят на каторгу, в далекую Сибирь, где он окончательно загнется».

Градов в начале тридцатых отслужил срочную, учился в Куйбышеве, в мирное время работал врачом в госпитале. В военные годы он возглавлял медсанбат.

Трагедия произошла в марте сорок третьего под Харьковом. Сначала фронт прорвали немецкие танки, за ними пошла пехота. Лазарет не успел эвакуироваться. Погибли все раненые, медсестры и врачи.

Кончились патроны в пистолете. Последнее, что помнил Иван Максимович, – взрыв гранаты в непосредственной близости. Его хорошо контузило.

Очнулся он уже в плену. Расстреливать его немцы не стали. Их смутили погоны офицера и белый халат.

Сначала ближний тыл. Он помнил, как брел в колонне таких же пленных, перегрузку в эшелон. Западная Украина, попытка к бегству. Его с наслаждением избивали люди с трезубцами на кокардах, поборники украинской независи-

мости, а заодно фашистские прихвостни.

Он выжил, прошел через все унижения и испытания, больше года провел в Аушвальде. Этот крепкий мужик сам уцелел и другим помогал. Даже звери-эсэсовцы, охранявшие блок, без особой нужды его не били.

Офицеры контрразведки терпеливо слушали рассказ Градова о побеге, о том, как они с англичанином жили в лесу, укрывались лапником и разжигали костер.

Да, он повел на смерть несколько десятков заключенных и чувствовал за собой вину. Но люди сами принимали решение. Они могли остаться на дороге, глотать грязь под лай овчарок. Хоть умерли достойно. Что их ждало, не пустись они в побег? Половина погибла бы на марше, да и остальным не поздоровилось бы. Советские войска уже подходили. Немцы расстреляли бы всех заключенных. К чему им такая обуза?

– А вы как сюда попали? – обратился Павел к англичанину.

– Меня зовут Дуглас Лоу, – выдавил тот. – Офицер разведки Королевских ВВС, родом из Плимута. В конце сорок второго был заброшен в Прагу, чтобы наладить связь с местным подпольем, которое сильно пострадало после расправы над Гейдрихом, протектором Богемии и Моравии. Меня предал человек, которого все считали надежным. Я думал, что буду казнен, но сперва угодил в австрийский Маутхаузен, через год – в Аушвальд. Это была какая-то бюрократическая ошибка.

– В итоге все кончилось для вас благополучно. Мы сообщим о вас вашему командованию. Теперь поговорим с вами, Иван Максимович. Хорошо, что вы квалифицированный врач. Надеюсь, вы в курсе, что доктор Мендель проводил в Аушвальде опыты над людьми?

– Я даже знаю, какие именно опыты он проводил, – сказал Градов.

Офицеры оживились. С этого момента в разговоре стали возникать интересные подробности.

– Началось примерно через месяц после моего появления здесь, – повествовал Градов. – Я слышал, что тут проводятся жестокие опыты над людьми, но не придавал значения этим словам. Наступает момент, когда становится все равно. Нас шесть дней в неделю гоняли на строящийся химзавод. Мы возводили фундамент, заливали опалубку бетоном. Я постоянно размышлял о побеге. О чем еще думать в плотном кольце охранников? Но у меня не было такой возможности. Однажды передо мной во всей красе объявился доктор Мендель. Весь такой улыбчивый, в элегантном костюме серо-песочного цвета. Видимо, он знал, что я врач. У них имелось мое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.